

МАРК ТВЕН

НИКОГДА
НЕ СПОРЬТЕ
С ИДИОТАМИ!

МОСКВА

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Богатому можно иметь любые принципы.

*Делай деньги бесчестно, если удастся,
и честно, если нет другого способа.*

Добродетель очень изнашивает человека!

*Если бы все люди думали одинаково,
никто не играл бы на скачках.*

*Есть несколько неплохих рецептов устоять
перед соблазном, но самый верный — трусость.*

*Каждый святой сумеет сотворить чудо, но кто
из них сможет управлять приличной гостиницей?*

Когда не знаешь, что сказать, говори правду.

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Легче не ввязываться, чем развязываться.

Нас всех воспитывали в правилах христианской религии — именно поэтому мы рано научились ценить запретный плод.

Лучше иметь старые, подержанные бриллианты, чем не иметь никаких.

Никогда не откладывай на завтра то, что можно отложить на послезавтра.

Никогда не поступай дурно при свидетелях.

Ничто так не нуждается в исправлении, как чужие привычки.

Одна муха делает лето.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Марк Твен был первым по-настоящему американским писателем, и все мы с тех пор — его наследники.

У. Фолкнер

Если бы Марка Твена не существовало, его следовало бы выдумать. Так, по-видимому, и решил его создатель — Сэмюел Лэнгхорн Клеменс, когда в молодости взял себе этот псевдоним, предусмотрительно предполагая, что он принесет ему бессмертие. Так и получилось — ибо что может быть лучше удачного псевдонима? Многие знаменитости прославились прежде всего своими псевдонимами. Франсуа Мари Аруэ, Чарльз Лютвидж Доджсон, Уильям Сидни Портер, Алексей Пешков, Иосиф Джугашвили, Николай Корнейчуков, Варенга Азнавурян, Норма Джин Бейкер, Фаррух Булсара, Уильям Джефферсон Блайт III и многие другие выдающиеся в своей области персоны почти никому не известны, но все знают их звездные имена: Вольтер, Льюис Кэрролл, О. Генри, Максим Горький, Иосиф Сталин, Корней Чуковский, Шарль Азнавур, Мэрилин Монро, Фредди Меркьюри, Билл Клинтон...

Разумеется, Марк Твен оставил нам не только свое имя — его остроумные, язвительные, юмористические и сатирические произведения до сих пор продолжают развлекать нас. И не только развлекать. Твен сказал однажды: «Я не юморист, я проповедник». Всю жизнь он проповедовал «разумное, доброе, вечное». И если это ему отчасти удалось, то потому, что задолго до открытий педагогической науки он знал: обучение, в том числе и воспитание, может быть успешным только тогда, когда оно занимательно и увлекательно.

Это давно проверено на детях, но именно Марк Твен выяснил, что взрослые — это просто большие (высокие, самоуверенные и неуклюжие) дети и обращаться с ними нужно

соответственно. Насколько он был прав в своем наблюдении, вы можете убедиться, прочитав эту книгу — энциклопедию проникательных, веселых, безжалостных, насмешливых наблюдений над родом человеческим, который не устает преподносить самому себе и последователям великого американского юмориста неисчерпаемый материал для жизненных наблюдений и далеко идущих выводов...

Мы вряд ли погрешим против истины, если скажем, что у российского читателя наибольшей популярностью пользуются четыре книги Марка Твена: «Приключения Гекльберри Финна», «Приключения Тома Сойера», «Принц и нищий» и «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». И такая популярность справедлива — это замечательные произведения. Но наследие грустного американского шутника гораздо шире и многообразнее. Даже избранные русские переводы, изданные на рубеже 1950-х и 1960-х годов, составили двенадцать объемистых томов. И значительная часть их содержания — это публицистика, переписка, избранные автобиографические записи и документально-художественные дневники путешествий. Марк Твен был неутомимым путешественником. Он совершил несколько кругосветных вояжей и из каждого привез книгу. Примечательно в этой связи, что одни из первых его книг, «Простак за границей» (1869)¹ и «Налегке» (1872), — это травелоги². В них он описывает собственные странствования — американские и кругосветные. Но это не просто путевые заметки — это заметки о человеческой

¹ Минувшей осенью Америка отметила 150-летие этой замечательной книги, лучшие места из которой мы включили и в настоящее издание. За время жизни Марка Твена «Простак за границей» стали рекордсменом по продажам среди всех его книг, настоящим бестселлером.

² *Травелог* — литературное произведение, описывающее путешествие героя-рассказчика, как правило, в далекий или экзотический край. Термин *травелог* используется редко, чаще подобный жанр называется *путевыми заметками*.

природе, наблюдения над тем, каков человек дома, в пути и в незнакомых местах; таковы также «Пешком по Европе» (1880) и «По экватору» (1897).

Приступая к работе над настоящим изданием, мы поставили себе целью предложить читателям книгу, которая Марком Твеном была написана, но осталась неизданной. Из бесконечного многообразия его текстов мы отобрали те мысли, абзацы, периоды, анекдоты, занимательные истории — были и небылицы, которые являют нам Марка Твена не в новой, а в истинной его ипостаси: морального философа, грустного шутника, «клоуна с осенью в сердце». Это собрание не столько остроумия, сколько приговоров — пронизательных и безжалостных, но «с правом на помилование». Их Марк Твен выносит роду человеческому, к которому имел горькое удовольствие принадлежать.

* * *

Известно, что все лучшие афоризмы, если не доказано обратное, принадлежат Аврааму Линкольну, Марку Твену или Бернарду Шоу. Согласно этому взгляду, именно Твен сказал однажды:

•
*«Никогда не спорьте с идиотами!
Они сперва стащат вас
на свой уровень, а потом добьют
своим опытом».*
•

Пусть этот бессмертный совет и станет лейтмотивом нашей книги.

Жизненные наблюдения, поучительные случаи, а также выводы, диагнозы и вердикты, записанные Марком Твеном в Соединенных Штатах и всех других местах, в которых он побывал с исследовательскими целями, изучая природу одного из самых загадочных и непостижимых существ — человека разумного

Открывая наше странствие по книгам Марка Твена, мы начинаем с отплытия — как началось и его собственное путешествие в 1867 г. на пароходе «Квакер-Сити», на котором он отправился в Европу корреспондентом «*Alta California*». Газета и оплатила билет — полторы тысячи долларов¹.

Американцы любят все самое-самое. Таким был и этот уникальный круиз. Пароход был оборудован по последнему слову тогдашней техники. Бывшее военное грузовое судно северян² переоборудовали, разместили на нем библиотеку, музыкальную комнату с фортепиано и органом, печатный станок, внушительный запас продовольствия и напитков. Это было первое организованное туристическое путешествие в американской истории.

За четыре с половиной месяца «Квакер-Сити» посетил множество портов Средиземного и Черного морей. Впечат-

¹ Около 37 тыс. долларов по сегодняшнему курсу.

² За два года до этого плавания, в 1865 г., закончилась четырехлетняя гражданская война Севера и Юга.

лений М. Твен получил массу. Одно его донимало — соседи по пароходу. В основном это были богатые набожные протестанты; они не расставались с Библиями и непрерывно устраивали богослужения. А Марк Твен отдавал предпочтение выпивке, карточной игре и хорошей сигаре. Но, как известно, дареному коню в зубы не смотрят. Или, если выразиться на морской манер, лучше морская болезнь, чем сухопутная холера.

Если у семерых нянек дитя без глазу, то во что же могут превратить увеселительное плавание пять капитанов?

Утром я встал пораньше и сразу же отправился завтракать. Мне хотелось внимательно и беспристрастно рассмотреть своих спутников:

•
*если люди когда-нибудь
и ведут себя естественно,
то только за завтраком.*
•

Тот, чей желудок ведет себя хорошо в первый день плавания, когда большинство пассажиров страдает морской болезнью, тот непременно проникается глубоким и не-сносным самодовольством.

•
*Мы любим смотреть на тех,
кто страдает морской болезнью,
если сами чувствуем себя хорошо.*
•

Приятно играть в карты, когда за иллюминатором бушует шторм; приятно гулять по палубе в лунную ночь; приятно курить в овеваемом ветрами «вороньем гнезде», если не побоишься туда забраться.

Но все это ничто в сравнении с блаженством, которое испытываешь при виде людей, терзаемых морской болезнью.

В любом плавании, а особенно в дальнем, развлечений мало. Об этом с печалью, едва приправленной иронией, сообщает нам писатель.

Однообразие плавания пагубно сказывается на умственных способностях, и люди вскоре доходят до того, что готовы предпочесть любую детскую забаву любому разумному занятию. Просто диву даешься, какие ребячества затевают взрослые на море, с каким увлечением им отдаются и какое получают от этого удовольствие!

Но, разумеется, это только в дальнем плавании. Пассажир короткого плавания не успевает опуститься до такого жалкого уровня. Качественная деградация — плод долгих стараний.

Матросы изловили двух альбатросов. Крепко привязали одному к ноге деревянную чурку и отпустили летать. Когда люди делали свое злое дело, птица глядела на них с укором огромными человечьими глазами.

В ходе поездок Твен скрупулезно и с удовольствием заносил в свои блокноты все то, что отличало обычаи местных жителей от привычных ему американских нравов.

В Марокко не существует системы налогообложения. Когда султану нужны деньги, он вымогает их у какого-нибудь богача, и тому приходится либо выкладывать наличные, либо отправляться в тюрьму. Поэтому в Марокко немногие рискуют быть богатыми. Это слишком опасная роскошь.

Иногда кто-нибудь из тщеславия выставляет свое богатство напоказ, но рано или поздно султан в чем-нибудь обвиняет его и конфискует его имущество.

Конечно, в стране богачей хватает, но они прячут деньги, одеваются в лохмотья и притворяются бедняками. Приходится сажать в тюрьму нищих: их подозревают в богатстве и обращаются с ними так, что они сознаются, где спрятали свои сокровища, даже если их и не имеют.

Дабы звание «хаджи» могли получать только богатейшие и знатнейшие из его подданных, султан повелел, что в паломничество могут отправляться лишь вельможи, обладающие сотней долларов в звонкой монете.

Желающим приходится одалживать у менялы за небольшую мзду потребную сумму, чтобы с чистой совестью поклясться в наличии означенного капитала — и тут же возвратить его.

У жителей Танжера на неделе три воскресенья. Мусульманское приходится на пятницу, еврейское — на субботу, христиане празднуют его в воскресенье.

Евреи особенно ревностны. В посвященный богу день они запирают лавки и отправляются в синагогу. Они не стряпают, не касаются огня, воздерживаются от всяких деловых начинаний. Ни за что еврей не притронется в субботу к медной монете и оскверняет свои пальцы только серебром или золотом.

Браки в Марокко устраивают родители жениха и невесты. Юношу женят на девушке, которую ему выбрал отец; после свадьбы с нее снимают покрывало — и новобрачный видит ее в первый раз.

Если она не разочарует его, он оставляет ее в своем доме, но если он усомнится в ее непорочности, то отправляет обратно к ее отцу. Кроме того, новобрачный может отослать жену, если она окажется больной или если в продолжение установленного срока не подарит ему ребенка.

•
*Как нелепы эти варвары! В нашей
цивилизованной стране именно
бесплодная жена ценится
особенно высоко.*
•

Испания — единственное государство, которого страшатся марокканцы, потому что Испания посылает самые грозные военные корабли, чтобы произвести впечатление на здешних мусульман. Америка же и другие державы ограничиваются присылкой жалкой канонерки, да и то изредка.

•
*Мавры, как и все варвары,
верят тому, что видят,
а не тому, что слышат или читают.*
•

Жители Орты¹ считают свой форт чрезвычайно грозным укреплением, но, если бы за него взялся один из наших башенных мониторов, им пришлось бы перевезти эту крепость куда-нибудь вглубь страны, чтобы сохранить на случай, когда она им снова понадобится.

Португалец — добрый католик: он только крестится и молит всевышнего избавить его от святотатственного желания знать больше своего отца.

Иностранцы всегда были благом для Франции. Они отлично понимали, как угодить среднему гражданину.

Ему требуется «слава» — это самое главное.

¹ *Орта* — основанный в 1498 г. город на принадлежащих Португалии Азорских островах.

Побольше славы, шумихи, зрелищ; побольше равенства и братства; побольше маскарадов и всякой пышной показухи; побольше куража и фанфаронства.

Побольше уверенности в том, что глаза всего мира устремлены на него, что его жена — законодательница мод, а он сам — образец светской любезности. Побольше напояний о том, что его язык — это придворный язык всех наций и что Париж — это солнце, чей закат погрузил бы землю в культурный мрак.

Побольше «*Vive la République!*» сегодня, «*Vive le Roi!*» завтра, «*Vive la Commune!*» послезавтра и «*Vive...* черт знает что» — послепослезавтра. Побольше благородных речей, подкрепленных бескровными дуэлями, чтобы исцелить раненую честь этого среднего гражданина.

Побольше набожности, распутства, резни и приветственных кликов — вот что требуется ему от жизни, завершающейся фешенебельными похоронами со священником и фонарем во главе процессии, поддельным генерал-майором на козлах катафалка и вереницей пустых траурных карет, следующих сзади.

Все эти атрибуты величия недорого, и умные иностранцы, которые правили Францией, щедро поставляли их французам с большой выгодой для себя.

Мы отправились в ресторан. Как приятно обедать, когда все такое чистое, блюда такие вкусные, официанты такие вежливые, а посетители такие усатые, такие быстрые, такие любезные, такие ужасно французистые!

Мы быстро и легко привыкаем к загранице: к опрятным официантам, которые бесшумно скользят взад и вперед, замирают позади вас или сбоку, как бабочка над цветком, мгновенно принимают заказ, мгновенно выполняют его, благодарят за вознаграждение независимо от его величины и всегда безупречно вежливы.

•
*Истинно вежливый официант,
и при этом не круглый идиот, —
настоящая диковинка для нас.*
•

Марсельский гимн, марсельское пике и марсельское мыло славятся во всем мире, но сами марсельцы не поют Марсель-езу, не носят пикейных жилетов и не моются своим мылом.

•
*В умении отдыхать —
главная прелесть Европы.*
•

В Америке мы торопимся — это неплохо, но, и покончив с трудами, мы продолжаем думать о прибылях и убытках; даже в постели, ворочаясь с боку на бок, с беспокойством думаем о делах, вместо того чтобы подкрепить сном усталый мозг и измученное тело.

В этих заботах мы расточаем все силы и либо безвремен-но умираем, либо становимся унылыми стариками в том возрасте, который в Европе считается самым цветущим.

Когда бритва больше не поддается заточке, парикмахер откладывает ее на несколько недель, и она самозатачивается. Мы бережем неодушевленные предметы, а о себе не заботимся.

•
*Какими силачами, какими
мыслителями стали бы мы,
если бы только время
от времени укладывались
на полку и самозатачивались!*
•

Италия добилась исполнения своего заветного желания — стала независимой. Но, добившись независимости, она выиграла в политической лотерее слона — ей нечем его кормить.

В Италии мне очень многое непонятно. Откуда, например, у обанкротившегося правительства такие изумительные дороги: твердые; прямые, как стрела; гладкие, как паркет, и белые как снег. Они так чисты, что на них можно есть без скатерти. И с путешественников при этом не взимают никаких дорожных сборов. А железные дороги! У нас таких нет. Вагоны скользят плавно, как на полозьях.

Вокзалы — просторные мраморные дворцы. Их грандиозные колоннады, расписные потолки, украшенные статуями двери и полированные мраморные полы прельщают меня гораздо больше, чем сотни галерей, потому что в вокзалах я разбираюсь, а чтобы по достоинству оценить бесценные сокровища искусства, недостаточно компетентен.

•
*Познания итальянских
гидов в английском как раз
достаточны, чтобы запутать
любое объяснение настолько,
что разобраться в нем
совершенно невозможно.*
•

Откуда взялось у нас представление, будто немцы вялая, флегматичная нация? Да ничего подобного! Это сердечные люди, чувствительные, порывистые. Они плачут по пустякам и так же легко смеются. Восторженность — их вторая натура. Вечно они обнимаются, лобызаются, кричат, поют и пляшут.

На одно наше ласкательное словечко у немцев добрых двадцать. В немецком языке тысячи ласковых словечек: все, что они любят, имеет у них свою уменьшительную форму, будь то домик, собачка, лошадка, бабушка и всякая другая божья тварь, одушевленная и неодушевленная.

Больше всего немцы любят оперу. Они любят ее не то чтобы умеренно и разумно, а всей душой. Это законное следствие привычки и образования. Не сомневаюсь, что и наш народ когда-нибудь полюбит оперу, но надеюсь — не скоро.

В Германии вы можете услышать в опере то, чего никогда не услышите в Америке, — заключительную фразу сольной арии или дуэта. Мы постоянно топим их в лавине аплодисментов, неизменно обкрадывая себя: выпиваем виски, но так и не добираемся до сладкого осадка на дне бокала.

История изобилует мучениками, но, кроме русских, я не знаю таких, которые, отдавая все, совсем ничего не получали бы взамен. Во всех других случаях, которые я могу припомнить, есть намек на сделку.

Я не говорю о кратком мученичестве, о внезапном самопожертвовании во имя высокого идеала в минуту восторженного безумного порыва — я говорю о поразительном, сверхчеловеческом героизме, что смотрит вперед, в ту даль, где на горизонте ждет виселица, и упрямо идет к ней, не трепеща, не бледнея, не малодушествуя и твердо зная, что на его долю достанется одна только виселица.

Однако ни одна борющаяся за свободу русская партия не желает окончательно лишиться современного ада; *их вполне удовлетворит некоторое понижение температуры.*

Люди испытывают к гремучей змее ненависть лишь потому, что она не обладает даром речи. Монархия этим даром обладает, и ей удастся убеждать людей в том, что она

чем-то отличается от гремучей змеи, что она чем-то полезна и это «что-то» заслуживает сохранения и вообще, при надлежащей «модификации», окажется хорошим, благородным, замечательным. И поэтому нужно защищать ее от дубинки того, кто застигнет ее врасплох, когда она выползет из норы.

Широко распространен предрассудок, что человек — существо разумное. Чрезвычайно странное заблуждение.

Когда дом охвачен пламенем, мы считаем, что обязанность того, кто первым явится на место пожара, — любой ценой его погасить, залив для этого дом водой, взорвав его динамитом или прибегнув к любому другому средству, которое помешало бы огню распространиться по всему городу.

Но ведь русский царь и есть охваченный пламенем дом посреди города с 80 миллионами жителей. Однако вместо того чтобы стереть его с лица земли вместе со всем его гнездом и системой, партии, борющиеся за свободу, стремятся только слегка его остудить, сохранив в прежнем виде. Это кажется мне нелогичным, точнее — идиотским.

Предположим, что этот бессердечный, кровожадный маньяк всея Руси бесчинствовал бы в вашем доме, преследуя ваших родных детей, вашу жену, мать, сестер. Как бы вы поступили, если бы у вас в руках было ружье? А ведь он действительно бесчинствует в вашем отчем доме — России. И, сжимая в руках ружье, вы бездействуете, изыскивая способы «модифицировать» его.

Неужели эти партии освобождения полагают, что им удастся выполнить задачу, за разрешение которой на протяжении истории брались миллионы раз — и всегда тщетно? Что им удастся «модифицировать» деспотизм, избегнув при этом кровопролития? Судя по всему, они считают, что удастся.